

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-12-30>
УДК 316.7

Attribution

cc by

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН: ВЛИЯНИЕ РУРБАНИЗАЦИИ

Муха В.Н.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. В статье представлен социологический анализ влияния процессов рурбанизации на повседневные практики сельских женщин, а также на их идентичность и миграционные стратегии. На основе глубоких интервью показывается, что трансформации сельского образа жизни носят качественный характер и проявляются в становлении «гибридного» уклада, сочетающего черты городского и сельского мира. Показано, что рурбанизация изменяет потребительские, досуговые и коммуникативные практики женщин, нивелируя часть различий между городом и селом, но одновременно усиливая рефлексию по поводу специфики сельской жизни. Отмечается двойственное влияние рурбанизации на миграционные установки: с одной стороны, снижение мотивации к переезду в город за счет повышения качества жизни в селе, с другой – сохранение притяжения города для молодежи и активных женщин.

Ключевые слова: рурбанизация, сельские женщины, повседневные практики, гибридная идентичность, сельско-городские сообщества, миграционные стратегии.

Финансирование: Подготовлен при поддержке РНФ и КНФ, проект № 24-28-20348 «Взаимодействие городского и сельского социумов в российских регионах: практики рурбанизации».

Original article

WOMEN'S EVERYDAY EXPERIENCES: THE IMPACT OF RURBANIZATION

Victoria N. Mukha

Kuban State Technological University

Abstract. The article presents a sociological analysis of the impact of rurbanization processes on the everyday practices of rural women, as well as on their identity and migration strategies. Based on in-depth interviews, it is shown that transformations in the rural lifestyle are qualitative in nature and manifest in the formation of a «hybrid» way of life that combines features of both urban and rural worlds. Rurbanization is shown to shape consumption, leisure, and communication practices of women, blurring some of the differences between town and countryside while simultaneously reinforcing reflection on the specificity of rural life. The ambivalent effect of rurbanization on migration intentions is highlighted: on the one hand, it decreases the motivation to move to cities due to improved quality of life in rural areas; on the other hand, cities remain attractive for young and active women.

Keywords: rurbanization, rural women, everyday practices, hybrid identity, rural–urban communities, migration strategies.

Funding: Prepared with the support of the Russian Science Foundation and the KNF, project No. 24-28-20348 "Interaction of urban and rural societies in Russian Regions: practices of urbanization"

Введение.

Актуальность исследования рурбанизации обусловлена глубокими трансформациями, происходящими в современной российской сельской местности. За последние десятилетия село перестало быть замкнутой аграрной средой: цифровизация, развитие инфраструктуры, массовая мобильность, расширение потребительских практик и вовлеченность в городские сервисы привели к размыванию традиционных границ между городом и деревней.

Эта тенденция проявляется особенно ярко в повседневной жизни женщин – ключевых акторов сельского хозяйства, семейной экономики и локальных сообществ. Их жизненные стратегии, практики потребления, досуг, модели коммуникации и самоидентификация меняются под влиянием процессов рурбанизации, что делает данную социальную группу важным объектом для изучения современных сельско-городских взаимодействий.

В научном дискурсе рурбанизация рассматривается как процесс взаимопроникновения городского и сельского укладов жизни.

В российской исследовательской традиции это явление понималось как распространение городских норм и форм жизнедеятельности на сельские территории и формирование переходных типов поселений [1].

В зарубежной литературе аналогичные процессы описываются через концепции rurbanization, post-rural, counterurbanization, которые фиксируют усложнение сельской социальной структуры и уменьшение различий между «городским» и «деревенским» образом жизни (Cloke, Halfacree и др.).

Идея сближения города и деревни имеет глубокие теоретические корни. Еще П. А. Сорокин писал о возможности формирования единого социокультурного пространства, где ценности и уклады обоих типов поселений не противопоставляются, а взаимно дополняют друг друга [2].

В пространственной социологии и урбанистике В.Л. Глазычев также подчеркивал, что современные территории развиваются как взаимосвязанные системы, где город и село образуют единую структуру социального воспроизводства [3].

Современные российские исследования подтверждают, что рурбанизация является системным процессом.

Н. Е. Покровский и Т. Г. Нефедова показывают, что незавершенная урбанизация формирует смешанные сельско-городские сообщества, в которых жители одновременно включены в городские информационные и экономические потоки при сохранении сельских практик и ценностей [4].

Другие исследования фиксируют рост маятниковой мобильности, развитие пригородных зон и распространение «гибридных» поселений, где повседневные практики жителей сочетают черты города и деревни [5].

Несмотря на значительный интерес к данной теме, влияние рурбанизации на повседневные практики женщин изучено недостаточно. Между тем, именно женщины в сельских сообществах чаще всего определяют структуру быта, воспроизводят традиции, принимают ключевые решения в сфере домашнего хозяйства и активно участвуют в межпоколенческой передаче культурных норм. Поэтому анализ их повседневности позволяет глубже понять социальные последствия рурбанизации и механизмы трансформации сельской идентичности.

Важно понять то, как сельские женщины сами воспринимают изменения, происходящие под воздействием рурбанизации, и каким образом эти изменения отражаются в их повседневных практиках и самоидентификации.

Исследование реализовывалось в рамках качественного подхода. Центральный исследовательский вопрос был сформулирован следующим образом: как сельские женщины описывают свою повседневную жизнь в условиях рурбанизации и каким образом городские и сельские элементы включаются в их практики и переживания. Такой подход позволил рассматривать рурбанизацию как субъективно проживаемый опыт.

Эмпирическую базу составили глубинные интервью (N = 87), проведенные среди женщин разного возраста и социального положения. Тексты интервью анализировались с позиций феноменологического подхода, феноменологическая интерпретация позволила реконструировать, как женщины осмысливают свое положение между двумя укладами и формируют соответствующие стратегии поведения. Интервью проводились в трех регионах России – в Краснодарском крае, Республике Северная Осетия-Алания и в Новосибирской области. Эти территории представляют разные типы сельской современности: южные высокоурбанизированные станицы с активной мобильностью, северо-кавказские села с сильными традиционными

структурами и сибирские сельские поселения, испытывающие демографические и инфраструктурные изменения. Такая вариативность позволила охватить широкий спектр проявлений рурбанизации и сравнить особенности повседневной жизни женщин в различающихся социально-культурных контекстах.

Результаты. Обсуждение.

Феноменологический анализ интервью показал, что рурбанизация проявляется в повседневной жизни сельских женщин сразу на нескольких уровнях – от потребления до коммуникаций и организации быта. Потребительские практики становятся одним из наиболее заметных маркеров рурбанизации. Например, многие информантки покупают одежду, технику и продукты в городах или через интернет. Милана (32 года, домохозяйка, Северная Осетия) прямо говорит: «Люблю шопинг, еду либо в Нальчик, либо во Владикавказ», то есть регулярно выезжает за покупками в ближайшие города. Другие предпочитают дистанционные формы шопинга, используя онлайн-магазины наряду с поездками в город: «Покупки делаю в маркетплейсах и городе» – отмечает Василиса (23 года, сельская жительница, работающая и учащаяся в городе, Новосибирская область). Даже в относительно удаленных станицах Краснодарского края жители заказывают товары через интернет или ездят в краевой центр: так, Марина (41 год, станица Полтавская) рассказывает, что ее семья приобретает одежду и бытовые товары «в Краснодаре или на маркетплейсах».

Перечисленные выше примеры показывают, что сельские потребители все более интегрированы в общенациональный рынок товаров и услуг, переставая зависеть только от местных ресурсов. Эти данные согласуются с наблюдениями о расширении потребительских горизонтов сельских жителей, свидетельствуют об интеграции сельских территорий в городские товарные цепочки.

Одновременно сохраняются и традиционные элементы потребительских практик – приусадебное хозяйство, домашние заготовки. Например, у семьи Навы (90 лет, Северная Осетия) есть корова, куры и огород, хотя питание в ее семье смешанное: «и свои, и магазинные» продукты.

Таким образом, в быту сельских женщин сосуществуют черты автономного крестьянского хозяйства и городской потребительской культуры.

Досуговые практики опрошенных информанток также свидетельствуют о смешении городского и сельского укладов.

С одной стороны, многие опрошенные проводят свободное время дома, занимаясь рукоделием, просмотром телевизора или общением с семьей, что позволяет свидетельствовать о сохранении традиционного уклада сельского досуга.

С другой стороны, наблюдаются проявления и городского стиля отдыха: посещение кафе, поездки на курорты, активные развлечения. Например, Милана (32 года, домохозяйка, Северная Осетия) признается,

что после смерти мужа чаще вывозит детей *«развешаться – погулять, в кафе пойти, вещи купить»* в городе. Другая опрошенная женщина, Ольга (45 лет, станица Полтавская), в отпуске *«любит путешествовать, ходить в гости, читать книги, смотреть фильмы»* – набор занятий, не отличающийся от досуга городского среднего класса. Молодежь из станиц при первой возможности ездит в город на концерты, в кино, на шопинг, осваивая городские формы досуга.

В то же время, сельская среда по-прежнему накладывает отпечаток: так, женщины среднего поколения из кубанских станиц отмечают, что после работы им приходится уделять время домашнему хозяйству, огороду, тогда как *«городские после работы идут отдыхать»*. Марина (46 лет, станица Староджериловская) весьма ярко сравнивает: *«Городские... пришли с работы и пошли отдыхать – в кино, в театр. А мы прибежали с работы и сразу на огород... у нас травка растет. Поливать все нужно каждый день»*.

Таким образом, рурбанизация не устранила полностью сельские трудовые практики (самообеспечение продуктами, физический труд на земле), но дополнила их элементами городской культуры отдыха. Этот контраст подтверждает, что рурбанизация не «замещает» сельские практики, а накладывается на них, создавая двойную нагрузку.

Коммуникации и информационная среда сельских женщин сейчас мало отличаются от городских. Практически у всех есть мобильные телефоны, многие подключены к интернету. По данным исследований, более половины сельских жителей России регулярно пользуются интернетом [6]. Это подтверждают и результаты интервью: даже пожилые информантки общаются с родными по сотовой связи, а молодежь активно осваивает мессенджеры и соцсети. Татьяна (54 года, учитель, Новосибирская обл.) отмечает, что предпочитает личные встречи, *«но и в мессенджерах тоже общаюсь»*. Благодаря этому, сельские жители активно включены в единое информационное пространство – читают новости, смотрят городские СМИ, пользуются банковскими и государственными услугами онлайн.

Подобная вовлеченность в коммуникативное и информационное пространство сокращает разрыв в образе жизни: как метко сказала Хадиза (76 лет, Северная Осетия), *«раньше быт сильно отличался, сейчас в селе почти как в городе»*.

Стоит отметить, что сегодня даже такое показательное условие различия городского и сельского образа жизни, как жилищные условия, нивелируется в современных практиках: во многих селах появились благоустроенные коттеджи и даже многоквартирные дома с городскими удобствами (центральное отопление, вода, интернет), особенно в пригородных зонах. Тем самым, повседневность сельских женщин наполняется чертами городской комфортной среды, невиданной для прежней деревни.

Полученные в ходе интервью данные позволяют сделать вывод о том, что процессы рурбанизации приводят к смешению городских и сельских форм

жизни. В нарративах устойчиво присутствует переживание «двойственности», проживания между двумя укладами. Все это, в свою очередь, неизбежно отражается на самосознании людей и их жизненных стратегиях. Традиционная сельская идентичность трансформируется: больше нельзя однозначно сказать, что сельчанин – это крестьянин, живущий только трудом на земле.

Современная сельская женщина может одновременно быть и огородницей, и активной пользовательницей социальных сетей, носить городскую модную одежду и ездить на рынок в районный центр. В интервью многие признают эту двойственность: Ольга (45 лет, станица Полтавская, Краснодарский край) вспоминает, что раньше сельские и городские жители сильно различались, однако, *«сейчас границы стерты – и в городе, и в селе много продвинутых»*.

Действительно, уровень образования и информированности в селе вырос, многие сельские жители имеют высшее образование, следят за трендами. С другой стороны, сохраняется ощущение особого деревенского уклада и менталитета. Информантки старшего и среднего возраста подчеркивают сильные стороны сельской жизни: крепкие связи в общине, традиционные ценности, трудолюбие. *«В селе все друг друга знают, уважают, любят. В селе – другие ценности»*, считает Милана (32 года, домохозяйка, Северная Осетия), хотя ей и не хватает городских *«веселий»*.

В тоже время, все еще наблюдается различие городской и сельской идентичности, в основе которой лежат определенные ценностные ориентации: Клара (87 лет, пенсионерка, Северная Осетия) отмечает – *«городские живут одним днем, сельские думают наперед и о завтрашнем дне»*. Подобные высказывания показывают на то, что сельские жители продолжают гордиться своими отличиями – укорененностью, близостью к природе, взаимопомощью – даже если внешне их быт стал похож на городской.

Мотивации к миграции у сельских женщин также во многом формируются под влиянием рурбанизации. С одной стороны, сближение условий жизни может снижать стимул уезжать: если *«все есть и в селе»* (как сказала Мадина, 30 лет, Северная Осетия), то зачем переезжать в город. Действительно, ряд информанток среднего возраста подчеркивают, что довольны сельской жизнью и не хотят в город. Например, Наталья (43 года, станица Полтавская, Краснодарский край) считает, что *«в селе более спокойная жизнь, больше семейных ценностей»*, тогда как в городе *«больше рутины и суеты»*, поэтому она не стремится переехать. Представители старшего поколения высказываются еще резче: город для них – это *«суета, грязь, пыль, ненатуральные продукты»*, тогда как село – залог здоровья и долголетия. Для этих женщин город не привлекателен, они сохраняют устойчивую сельскую идентичность и передают ее младшим поколениям.

Однако рурбанизация имеет и обратный эффект: отчасти «очертив» городские блага, она может подогревать миграционные настроения у молодежи и

активных женщин. Если раньше деревня могла удерживать человека традиционным укладом, то теперь молодежь видит фильмы, моду, возможности самореализации в большом мире и остро ощущает ограничения села: Дарья (20 лет, станица Староджерелиевская, Краснодарский край) прямо заявляет – *«В город пере-ехать хочу, так как больше возможностей»*. Ее рассказ сравнивает образы жизни: в селе после работы люди заняты домашними делами, а городские тратят вечер на пробки или выход в свет; городская жизнь дороже и напряженнее, *«но... больше стремления зарабатывать, вложиться»*. Дарья и ей подобные информанты ориентированы на динамику города, на карьеру и сервисы, которых нет в селе. Для них рурбанизация – это этап подготовки к возможной городской жизни: получение образования, навыков пользования технологиями, установление сетевых связей.

Показательно, что некоторые респонденты уже совмещают сельскую и городскую жизнь. В материалах интервью встречаются случаи маятниковой миграции: люди ежедневно ездят работать в город, оставаясь жить в селе. Например, упомянутая Василиса (23 года, сельская жительница, работающая и учащаяся в городе, Новосибирская область) учится и работает в городе, хотя дом ее семьи – в сельской местности. Таких случаев становится больше, особенно вокруг крупных городов, что порождает «сельско-городские сообщества» нового типа. Рурбанизация здесь проявляется в полной мере: люди принадлежат сразу двум мирам.

Тем не менее, одновременно происходит и обратный поток – из города в село, связанный с поиском лучшего качества жизни, экологии, спокойствия.

Нефедова и коллеги отмечали явление «дачной субурбанизации/дезурбанизации» – когда массированное участие городских жителей в жизни деревни (на правах владельцев загородных домов) замедляет отток населения из сел [7]. Наши информантки тоже упоминают таких «перебравшихся городских» в своем окружении: *«Есть в окружении те, кто переехал из города в село... кто-то пока не до конца освоился»*, – замечает та же Милана. Отношение сельчан к этим «неофитам» разное: одни радуются притоку энергичных людей, другие настороженно следят, насколько городские адаптируются к сельским нормам.

В итоге, рурбанизация способствует формированию смешанных сообществ, где, по словам исследователей, городские проекции и ценности привносятся на сельскую почву. Это ведет к появлению новых идентичностей – ни чисто «городских», ни сугубо «деревенских», а промежуточных. Сельские женщины в таких сообществах могут ощущать себя одновременно и хранительницами традиций, и частью современной урбанизированной культуры.

Заключение.

Рурбанизация выступает важным контекстом, позволяющим понять социальную реальность современной российской деревни и опыт ее жителей.

Анализ интервью с сельскими женщинами показывает, что их повседневный уклад стал гибридным: они живут на земле, но во многом по-городскому.

Проникновение инфраструктуры, массовой культуры, рынка и технологий в село стерло многие прежние границы между деревенским и городским образом жизни.

Сельские жители сохраняют особые ценности – близость к природе, сплоченность общины, трудолюбие – но параллельно осваивают городские практики потребления, досуга, коммуникации.

В результате, складывается своеобразный сельско-городской синтез: например, сельская домохозяйка может обрабатывать огород и одновременно заказывать товары онлайн, а молодежь из села учится в вузе города, оставаясь жить дома.

Подобное смешение укладов имеет двоякие последствия. С одной стороны, качество жизни в селе повышается: комфорт приближается к городскому, улучшается информированность, появляются новые возможности самореализации на месте. Рурбанизация отчасти снижает миграционный отток, так как базовые потребности (работа, услуги, развлечения) частично удовлетворяются и в сельской местности. Однако сохраняется и «утечка умов» в города – особенно молодежи, ищущей более широких горизонтов.

Отдельные женщины, чьи амбиции и желания не могут реализоваться в деревне, по-прежнему стремятся перебраться в город. В целом рурбанизация ведет не к исчезновению деревни, а к ее трансформации. Возникает новая социальная реальность, в которой город и село взаимопроникают. Сельские женщины становятся агентами изменений: через их адаптационные стратегии, ценностный выбор, миграционные решения можно увидеть, как рождается «переходный» сельский социум. Его черты – сочетание традиционного и современного, локального и глобального – требуют переосмысления в научных подходах. Уже сейчас исследователи говорят о появлении «постаграрной деревни» и «переходных слоев» населения.

Таким образом, рурбанизация – ключ к пониманию современной сельской жизни. Она обеспечивает необходимый контекст для интерпретации рассказов наших информанток, выявляя, как большой социокультурный сдвиг отражается в судьбах конкретных женщин.

Исследование показывает, что жизнь на селе сегодня уже не укладывается в прежние стереотипы. Сельские женщины живут на стыке двух миров – и именно в этом «стыке» формируются новые идентичности, новые практики и новые надежды на будущее сельской России.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан.	None declared.
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Нефедова, Т. Г. Трансформация сельского хозяйства России и региональные проблемы трудовых ресурсов в сельской местности // *Экономические и социальные проблемы России*. 2025. № 2(62). С. 137-155. DOI: 10.31249/espr/2025.02.07 EDN: UAFVIW
2. Долгов А.Ю. Село и город в работах Питурима Сорокина: историко-социологический анализ. Координаты современной урбанистики: дискурсивные трансформации: монография: в 2 томах. Том 1 / под науч. ред. И.А. Савченко, Ю.В. Козловой; отв. ред.: Г.С. Широкалова, Н.А. Трубина, Л.Р. Миркушина. М.: ИНФРА-М, 2023. EDN: DQNPUS
3. Глазычев В.Л. Город без границ. Издательский дом "Территория будущего". М.: 2011. 400 с.
4. Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Тревиш А. И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // *Социологические исследования*. 2015. № 12. С. 60-69. EDN: VGMFRD
5. Тенденции и целевые программы рурализации. Обзор зарубежного и российского опыта (версия 2 от 04.05.21). ЦИРКОН, 2021.
6. Мельникова Е.А. Деревня в городских проекциях современных россиян // *Этнографическое обозрение* № 6, 2020. С. 5-11. DOI: 10.31857/S086954150013117-8 EDN: KNONEK
7. Nefedova T. G., Pallot J. *Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

References

1. Nefedova, T. G. Transformation of agriculture in Russia and regional problems of labor resources in rural areas // *Economic and social problems of Russia*. 2025. NO. 2(62). PP. 137-155. DOI: 10.31249/espr/2025.02.07 EDITED BY: UAFVIW
2. Dolgov A.Y. Village and city in the works of Pitirim Sorokin: historical and sociological analysis. Coordinates of modern Urbanism: discursive transformations: monograph: in 2 volumes. Volume 1 / edited by I.A. Savchenko, Yu.V. Kozlova; edited by G.S. Shirokalova, N.A. Trubina, L.R. Mirkushina. Moscow: INFRA-M, 2023. EDN: DQNPUS
3. Glazychev V.L. The city without borders. Publishing house "Territory of the future". Moscow: 2011. 400 p.
4. Nefedova T. G., Pokrovsky N. E., Treivish A. I. Urbanization, deurbanization and rural-urban communities in conditions of increasing horizontal mobility // *Sociological research*. 2015. No. 12. pp. 60-69. EDN: VGMFRD
5. Trends and targeted programs of ruralization. Review of foreign and Russian experience (version 2 dated 05/04/21). ZIRCON, 2021.
6. Melnikova E.A. Village in urban projections of modern Russians // *Ethnographic Review* No. 6, 2020. pp. 5-11. Identification number: 10.31857/S086954150013117-8 EDITED number: KNONEK
7. Nefedova T. G., Pallot J. *The Unknown Agriculture of Russia: The household in post-Socialist rural Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Информация об авторе:

Муха Виктория Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Кубанский государственный технологический университет. E-mail: y.mukha@bk.ru. <https://orcid.org/0000-0003-4975-0438>

Viktoriya N. Mukha, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, Kuban State Technological University.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.11.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.12.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.